

Не опусти народ свой

II

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Нобелевский лауреат Шмуэль Йосеф Агнон (псевдоним; настоящая фамилия Чачекс) — один из самых загадочных и необычных писателей XX века, классик современной еврейской литературы, стоявший у ее истоков. Его проза — уникальный опыт концентрированного отражения еврейской религиозно-мистической традиции, предпринятый в культурных условиях модерна. Книга избранных новелл Агнона на русском языке, подготовленная ведущими исследователями его творчества и филологами-гебраистами, достаточно полно передает своеобразие его наследия.

Жизнь Шмуэля Йосефа Агнона, на первый взгляд, была бедна событиями. Уроженец городка Бучач, что в Восточной Галиции (т.е. в нынешней Западной Украине), он в молодости провел пять лет в Палестине и десять — в Германии, чтобы затем вновь и уже навсегда перебраться в Святую землю. Там он и прожил долгую и плодотворную жизнь, спокойно и размеренно работая над книгами. Однако в его биографии было два схожих события, которые нетрудно истолковать мистически, видя в них работу Провидения. Пребывание Агнона в Германии завершилось тяжелой драмой: сгорел его дом, причем в пожаре погибла не только обширная библиотека, но и руко-

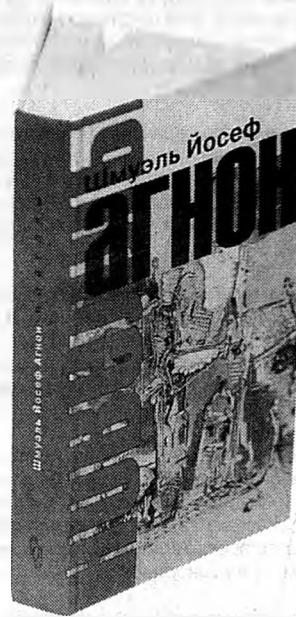
пись романа, о предстоящем выходе которого уже было объявлено. Спустя пять лет после возвращения писателя в Иерусалим несчастье повторилось — во время арабского погрома дом его был разрушен, а вновь собранная библиотека и рукописи уничтожены. Однако Агнон и второй раз нашел в себе силы начать все сначала. Любопытно, что верит в высшие силы, вряд ли сможет признать этот зигзаг в судьбе Агнона случайным. Ведь именно благодаря первой катастрофе Агнон покинул Германию, избежав таким образом опасности стать жертвой Катастрофы общеврейской, — его возвращение в Иерусалим было связано как раз с утратой романа и собра-

ния книг, которую он воспринял как кару за то, что оставил Страну Израиля. А разрушение иерусалимского дома писателя — не дополнительная ли плата за спасение? Как бы то ни было, эта линия в судьбе Агнона метафорически повторяет не только еврейскую этническую историю с ее коллапсами и возрождениями, но и историю самого еврейского языка, который, едва не оказавшись вытесненным в сугубо письменную сферу, был затем чудесным образом оживлен. На исключительность миссии Агнона намекает, кажется, и поистине каббалистическая дата рождения — 1888. В книгах Агнона, как в магической призме, преломляется и растворяется тысячелетний житейский и эзотерический опыт еврейского народа. Сборник «Новеллы» иллюстрирует это как нельзя более наглядно. Здесь есть все — сказки, бытовые рассказы, религиозные притчи, аллегории и поучения. В числе основных персонажей Агнона — раввины, учителя и мудрецы, в том числе и те, кто имел статус, аналогичный христианской святости. Агнон не единственный, кто занимался авторской обработкой еврейских легенд о великих священниках. Однако только он мог описывать сакральные взаимоотношения раввина, Общины и Всевышнего так, как если бы культурный кризис, ощущавшийся уже

вышел сборник новелл Шмуэля Йосефа Агнона

тогда, не затронул еврейского мира, облик которого все глубже изменялся в результате срастания с чужой историей и географией. С другой стороны, Агнон был человеком эпохи модернизма, и это позволило ему как нельзя более внятно выразить расколотость еврейского пространства, разобщенность разных еврейских «топосов». В его рассказах перед нами предстает по крайней мере три историко-географических мира. Во-первых, это Галиция с ее местечковой жизнью и памятью средневековых легенд (рассказы «Птица моя», «Сказание о переписчике Торы», «Госпожа и коробейник»). Во-вторых, это европейская диаспора в период после Первой мировой войны (новеллы «Иной облик», «Фернхайм»). И наконец — сама Святая земля и Иерусалим в частности в новейший период («Под деревом», «Разлученные», «Теила»). Особое место отведено Польше (цикл «Польша: сказочные истории»). Однако один из важнейших мотивов Агнона — священное воссоединение народа, построение единого Дома в Земле Жизни. Агнон абсолютно органичен в мифологизации еврейской повседневности. Так, в «Сказании о переписчике Торы» читаем: «Вокруг дома прохаживались стадом белые гуси и другие кошерные птицы, а небесная птица... возвращалась к празднику Песах, чтобы услышать чтение Песни Песней

в хедере, — и все они каждое утро урок птичьего своего пения проговаривали под окном у Рефозла». В России такой степени естественности при сказочно-мифологическом подходе к национальному бытию достигал, пожалуй, только Клюев. Ну, может быть, еще Ремизов, хотя налет модернистской стилизации у него куда более заметен. В 1966 году Агнон получил Нобелевскую премию (его нобелевская речь, кстати, приводится в книге). Это значит, что литературу, транслирующую исключительно ценности еврейского национального космоса и насыщенную аутентичной мистикой Божьего народа, признали важной для всего человечества. Трудно, однако, представить, что подобную оценку мог бы заслужить русский неоязычник, столь же талантливо пишущий про Бояна и Велеса, или же выходец из африканского людоедского племени, не ведущий свой народ навстречу общемировым демократическим ценностям, а, наоборот, прославляющий местные ритуалы на национальном языке. Первого, скорее всего, объявили бы потенциальным фашистом, а второму бы посоветовали по крайней мере писать по-французски. В рамках мультикультурализма мы, тем не менее, должны признать, что подобные явления в принципе ничуть не хуже Агнона. Так что работайте, господа.

Шмуэль Йосеф Агнон. Новеллы / пер. с иврита С. Гойзмана, М. Кравцова, Е. Римон, Н. Файнгольда, И. Шамира, С. Шенбрун, М. Эльшива — М.: Мосты культуры, 2004. — 543 с.